

**ПАВЕЛ
(ПЕСАХ)
АМНУЭЛЬ**

РАССЛЕДОВАНИЯ
БЕРКОВИЧА 12
(СБОРНИК)

Павел Рафаэлович Амнуэль
Расследования
Берковича 12 (сборник)
Серия «Расследования
Бориса Берковича»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42250970

Расследования Берковича 12 – Павел Амнуэль: Остеон-Пресс, Млечный

Путь; Ногинск, Иерусалим; 2014

ISBN 978-5-85689-204-7

Аннотация

Сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. Однако П.Амнуэль немало сделал и на ниве детектива.

Содержание

Свет в иллюминаторе	5
Крутой бизнесмен	15
Третий	25
Живой труп	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Павел Амнуэль

Расследования

Берковича 12

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка,
2014.

Свет в иллюминаторе

– Погода совсем не для того, чтобы плавать, – сказал жене инспектор Беркович, собираясь на службу. – Смотри какой ветер. В море наверняка волны метра три.

– Ну и что? – удивилась Наташа. – Мы вроде на пляж и не собирались.

– На пляж – да, – вздохнул Беркович. – Но в море мне все-таки придется выйти.

– Почему?

– Убийство, – сказал инспектор. – Только это и может заставить меня отправиться в плавание. Хотя... Какое это плавание – миля от берега?

– А что случилось? – с любопытством спросила Наташа.

– Вчера радировали с яхты «Мадиган», что на борту убитый человек. Вечером погода была еще хуже, чем сейчас, яхта не могла подойти к пирсу, а патрульный катер не мог пришвартоваться. Оставили до утра. Сейчас там уже работает эксперт.

– Твой знакомый Рон?

– Он самый. И ждут меня.

– Понятно, – кивнула Наташа. – А кого убили? И что это за яхта?

– «Мадиган» – прогулочное судно, три мачты, пять человек экипажа, приписана к порту Ашдода, арендована для

прогулки по морю неким Амосом Гурфинкелем, это молодой миллионер, состояние нажил года два назад, когда начался бум в хай-теке. В море он вышел со своими гостями из Соединенных Штатов – такими же молодыми предпринимателями. Двое мужчин и женщина. Женщина прилетела в Израиль с одним из гостей, официально они не в браке, но...

– Понятно, – улыбнулась Наташа. – И что же произошло?

– Нужно разобраться, – сказал Беркович, уже стоя в дверях. – Похоже, что из-за женщины мужчины и повздорили. Я побежал, Наташа, надеюсь покончить с этим делом до вечера.

– Будь осторожен, – крикнула вдогонку Наташа.

Когда Беркович приехал к пирсу, где качался на волнах полицейский катер, волнение уже почти утихло. Во всяком случае, инспектор без труда перепрыгнул на борт утлой, как ему показалось, посудины, взревел двигатель, и катер резво побежал навстречу волнам, то задирая нос к небу, то зарываясь пучину.

Яхта «Мадиган» стояла на якоре, и в кабельтове от нее болтался на волнах еще один полицейский катер. Когда Беркович поднялся на борт, едва удерживаясь на ногах, его встретил эксперт Хан, прибывший на яхту еще два часа назад.

– Гурфинкель убит выстрелом в затылок, – сказал он. – Стреляли еще по меньшей мере дважды – в стене каюты два пулевых отверстия. Пули от «Магнума», крупный калибр.

Оружия на борту нет, сержант Бак утверждает это однозначно, хотя я и не уверен, что обыск мог дать стопроцентную гарантию. Яхта, конечно, не линкор, но и здесь могут быть потайные уголки.

– Попробую разобраться, – сказал Беркович.

Тело уже убрали из большой каюты, где вечером проходила пьянка и где произошло убийство. Капитан яхты, молодежавый, но все-таки не такой уж молодой Эрик Гудман, с которого Беркович и начал допросы, однозначно утверждал, что вбежал в каюту буквально через минуту после того, как оттуда раздались ужасные крики. За это время из каюты никто не выходил.

– Крики? – переспросил Беркович. – А выстрелы вы разве не слышали?

– Нет, – отрезал Гудман. – В каюте так гремел тяжелый рок, что услышать можно было лишь взрыв гранаты.

– Вы сказали, что раздался крик...

– Женский вопль, он оказался громче, чем «хэви метал».

– Значит, кричала Моника Стоун? – уточнил Беркович, поглядев в список пассажиров.

– Больше никому, – кивнул капитан. – Женщина в этой компании всего одна. Из-за нее, видимо, все и произошло.

– Когда вы вбежали в каюту, вся компания была там?

– Конечно, все четверо. Правда, один из них – Гурфинкель – был мертвым, – мрачно сказал Гудман.

– Спасибо, – кивнул Беркович и направился в каюту, где

под присмотром сержанта находились участники вчерашней трагической вечеринки. До утра они содержались в капитанской каюте – Гудман оказался достаточно сообразительным и до прибытия полиции разместил подозреваемых у себя, поставив у двери одного из матросов, сам же провел ночь на мостике, – а теперь сержант Бак перевел гостей Гурфинкеля туда, где произошло преступление.

Беркович прекрасно понимал, что, скорее всего, толку от допроса подозреваемых не будет. В запасе у них была целая ночь, договориться они могли о чем угодно, согласовать показания до мелочей. Оружие выбросили в иллюминатор, это самое естественное, что мог сделать убийца.

Моника Стоун оказалась не такой красивой, как ожидал Беркович. Ей было около тридцати, отсутствие косметики старило женщину, вряд ли Беркович обратил бы на нее внимание на улице. Впрочем, и не из-за таких мужчины теряли голову...

– Мы танцевали, – хмуро сказала она. – То есть, мужчины по очереди танцевали со мной. Другие двое в это время разговаривали не знаю уж о чем.

– С кем вы танцевали, когда раздался выстрел?

– Какой выстрел? – спросила Моника. – Я не слышала никакого выстрела. А танцевала я с Алексом, – женщина взглядом показала на высокого худощавого мужчину, одного из сидевших на диванчике у дальней стены каюты. Алекс Вентцель кивком головы подтвердил это утверждение.

– Значит, в это время, – сказал Беркович, – Гурфинкель разговаривал с вами?

Инспектор ткнул пальцем в мужчину, сидевшего рядом с Вентцелем – это был Лиор Донат, парень плотного сложения с непропорционально короткими руками.

– Да, – сказал Донат с видимым отвращением.

– И вы тоже не слышали выстрела? – с иронией спросил Беркович.

– Нет! – покраснев от возмущения, заявил Донат. – Мы разговаривали, потом Амос взмахнул руками и повалился на пол. Я сначала подумал, что он просто не удержался на ногах – качало довольно сильно.

– И несмотря на качку, вы танцевали? – удивился Беркович.

– Так в этом была самая соль! – воскликнул Донат. – Впрочем, какая разница...

– Пуля попала Гурфинкелю в затылок. Если вы разговаривали, значит, он стоял к вам лицом. Следовательно, вы не могли не видеть стрелявшего.

– Не видел, – буркнул Донат. – Моника танцевала с Алексом, а Амос доказывал мне, что нужно срочно продавать акции «Селлулара». И вдруг упал. Больше мне нечего сказать.

– Стреляли по меньшей мере трижды, – напомнил Беркович. – И вы ничего не видели и не слышали?

– Ничего, – сказал Донат.

– И вы тоже? – повернулся Беркович к Вентцелю, не ожи-

дая от него другого ответа. Тот только покачал головой.

– Я понимаю, – неожиданно сказал Донат, растягивая слова, – что подозревать вы можете только нас. Только мы были в каюте. Но уверяю вас, инспектор, никто из нас не стрелял в Амоса. У нас были хорошие отношения, понимаете? Вполне нормальные! Да, прежде бывало всякое – Моника красивая женщина, ну, вы понимаете. Но вчера мы пришли к соглашению, так что ищите убийцу снаружи.

– В море? – уточнил Беркович.

Донат бросил взгляд в сторону иллюминатора и пожал плечами.

– Между прочим, – добавил Вентцель, – окошко вечером было открыто, это потом кто-то его закрыл. Не я, кстати.

Иллюминатор каюты, названный Вентцелем «окошком», был плотно задраен и даже прикрыт шторкой, потому что по левому борту поднималось яркое солнце. Проверить утверждение Вентцеля можно было только одним способом, и Беркович, оставив на некоторое время подозреваемых под присмотром сержанта, поднялся на палубу.

– Иллюминатор был открыт, когда вы вбежали в каюту? – спросил он капитана.

– Да, – не задумываясь, ответил Гудман. – Это, кстати, было нарушением инструкции, поскольку при сильном волнении...

– Вы сами его закрыли?

– Сам, – твердо сказал Гудман. – Если бы волнение уси-

лилось, вода могла попасть внутрь помещения.

– Почему вы мне об этом не сказали? – с досадой спросил Беркович.

– Так вы не спрашивали, – удивился капитан. – И потом... Если вы полагаете, что оружие выбросили за борт, то как это могли сделать при закрытом иллюминаторе? Уже хотя бы из этого следует, что иллюминатор был в тот момент открыт.

– Действительно, – сказал Беркович, ругая себя за столь серьезный просчет. Почему он не подумал об этом раньше? Почему какой-то моряк должен указывать ему на ошибку в рассуждениях?

– Борис! – окликнул Берковича эксперт, собравшийся уже перебираться на борт ушедшего к берегу одного из полицейских катеров. – Я тебе больше не нужен?

– Нужен, – сказал инспектор. – Что ты можешь сказать об этих выстрелах? Стреляли не в упор?

– Нет, конечно, – пожал плечами Хан. – Никаких следов пороховой гари. Не меньше двух метров от цели.

– Величина каюты – три с половиной метра, – отметил Беркович. – Гильзы не нашли?

– Этот тип револьверов не отбрасывает гильзы, – сухо сказал эксперт.

– Отверстия в стене... Они ведь довольно высоко.

– Ты сам видел. Стреляли чуть вверх – ну, это естественно при качке, особенно когда нет времени целиться. Первые пули прошли выше цели, третья попала Гурфинкелю в заты-

лок. Ты хочешь сказать, что эта троица твердо стоит на своем?

– Твердо, – кивнул Беркович. – И вряд ли они изменят показания. Одно из двух – или они хорошо стоворились за ночь, и тогда обвинить кого-то одного вряд ли удастся. Или...

– Я понял, – перебил Хан. – Или они говорят правду, ты это хочешь сказать? Но тогда в каюте должен был находиться невидимый убийца?

– Почему в каюте? – сказал инспектор. – Почему не снаружи?

– Снаружи, между прочим, море. Или ты утверждаешь...

– Ну да, другое судно, подошедшее довольно близко.

– Это ты уж загнул! – воскликнул Хан. – Никто из команды не видел никаких судов поблизости от «Мадигана».

– Оно могло идти без огней.

– С риском столкнуться с «Мадиганом» в темноте?

– Какая темнота? Это Гудман с мостика ничего в темноте не видел, но ведь яхта была ярко освещена, везде горел свет. И гремела музыка. Другое судно могло подойти, не зажигая огней...

– Я понял, – перебил Хан. – Интересная версия. Но стрелять в иллюминатор с расстояния нескольких десятков метров из револьвера...

– Почему из револьвера? Из снайперской винтовки с револьверной пулей, такой вариант возможен?

– Ну... – протянул эксперт. – Во всяком случае, его нельзя исключить.

– И тогда понятно, почему две другие пули ушли так высоко, – продолжал Беркович. – При качке это неизбежно.

– Но тогда, – сказал Хан, – могла быть и еще одна пуля, которая попала в борт яхты. Или даже несколько пуль.

– Именно, – согласился Беркович. – Давай проверим.

Несколько минут спустя подозреваемые в убийстве, мрачно сидевшие на диване и не смотревшие друг на друга, стали свидетелями странной сцены: полицейский инспектор, раскрыв настежь иллюминатор, высунул наружу голову и что-то разглядывал, комментируя увиденное.

– Покрасить яхту давно надо, – говорил Беркович, – все тут шелушится, попробуй разглядеть... Нет, ничего не вижу. Хотя погоди... Вот, есть вмятина. На полметра выше иллюминатора. Хочешь взглянуть?...

Домой Беркович вернулся к самому ужину в приподнятом настроении, из чего Наташа сделала вывод, что день удался.

– Так кто же убил этого Гурфинкеля? – спросила она. – Не женщина, надеюсь?

– И даже никто из других мужчин, – ответил Беркович, откусив от огромного бутерброда.

– Как это? – не поняла Наташа.

– Стреляли с борта прогулочного катера, – объяснил Беркович. – Мы его нашли. «Приват» называется, его несколько дней назад арендовал один из конкурентов Гурфинкеля.

Считалось, что катер ушел в сторону Акко, но этот тип вернулся – он прекрасно знал о планах Гурфинкеля, тот сам ему рассказывал. Подошел с левого борта и застрелил Гурфинкеля через иллюминатор.

– Но это же, наверное, ужасно трудно! – воскликнула Наташа. – Были высокие волны!

– Трудно, – согласился Беркович, – но для бывшего армейского снайпера вовсе не так трудно, как тебе кажется.

– И он был уверен, что его не найдут?

– А как бы его нашли? Все казалось почти доказанным – ведь у Гурфинкеля действительно были сложные отношения с американскими гостями из-за этой Моники. Откуда убийца мог знать, что именно в тот вечер компания решила помириться?

Крутой бизнесмен

– Крутой парень, – сказал инспектор Хутиэли своему коллеге Берковичу, перечитав протокол, записанный со слов одного из свидетелей. – Крутой, да? Так это по-русски?

Беркович улыбнулся. Хутиэли правильно перевел русское слово, но на иврите оно приобрело совсем иной оттенок. Впрочем, объяснять разницу Беркович не стал.

– Да, – сказал он, – Бернштейн из тех, кого в России называют новыми русскими, даже если они евреи.

– Березовский, например, – подхватил Хутиэли, показывая свою осведомленность.

– Березовский гораздо круче, – покачал головой Беркович. – Бернштейн владеет акциями нескольких металлургических комбинатов, в том числе в Челябинске, это огромное предприятие. Покушение на него нельзя назвать чем-то экстраординарным. Многие бизнесмены в России рискуют жизнью. Но на Бернштейна покушались в Израиле.

Главное было именно в этом. Российский бизнесмен еврейского происхождения Исак Михайлович Бернштейн прилетел в Израиль для встреч с местными промышленниками и отдыха на эйлатских пляжах. Прилетел, как и положено крутому бизнесмену, с любовницей – эффектной крашеной блондинкой, секретарем-помощником и двумя телохранителями, благодаря которым, собственно, Бернштейн и остался

жив во время неожиданного покушения.

Произошло это в Тель-Авиве перед входом к отелю. Бернштейн вышел из здания, один из телохранителей открыл перед ним дверцу машины, второй стоял рядом, оглядывая окрестности. Из проезжавшей мимо на большой скорости «мазды» кто-то сделал четыре выстрела, Бернштейн получил пулю в плечо, стоявший рядом телохранитель – в грудь, а другой охранник, склонившийся над дверцей машины, остался невредим, но не успел среагировать. «Мазда» умчалась, никто не заметил номерных знаков, а искать машину по цвету в большом Тель-Авиве – все равно что иголку в стоге сена: тысячи автомобилей этой марки имеют темно-синий цвет, очень популярный у автовладельцев.

– Только русских разборок нам в Израиле не хватало, – сказал Хутиэли. Беркович покачал головой.

– Это не русские разборки, – сказал он. – Видите ли, у Бернштейна вполне специфические связи, и врагов его или конкурентов достаточно легко просчитать. Все, кто мог иметь зуб на Бернштейна, находятся сейчас в России.

– Ну, Борис, – удивленно произнес Хутиэли. – Ты меня удивляешь. Заказать убийство можно и из России. Был бы исполнитель.

– Конечно, – согласился Беркович. – И здесь два варианта. Либо исполнитель тоже из «русских», либо наняли коренного израильтянина.

– Второй вариант гораздо менее вероятен, – заметил Ху-

тиэли.

– Именно потому, что мы должны думать именно так, им и могли воспользоваться конкуренты Бернштейна, – сказал Беркович. – Не в деньгах же проблема, согласитесь. В любом случае начать я хочу с разговора с Бернштейном. Врачи говорят, что в двенадцать смогут пустить меня в палату. Группа старшего сержанта Линде сейчас отрабатывает версию израильского киллера – у ребят есть осведомители в этой среде. А я...

Беркович поднялся из-за стола и протянул Хутиэли руку.

– Терпеть не могу таких дел, – сказал он. – Анализу они почти не поддаются, а бегать приходится...

– Да, – усмехнулся Хутиэли, – ты у нас скорее Ниро Вульф, чем Арчи Гудвин.

Беркович пропустил иронию мимо ушей. Бегать он действительно не любил, а для размышлений в деле о покушении на Бернштейна было слишком мало данных.

В полдень он вошел в просторную палату больницы «Ихилов», где лежал раненый предприниматель.

– Здравствуйте, – сказал Беркович по-русски, – я веду дело о покушении.

Бернштейн расплылся в улыбке, но неловко повел плечом и поморщился от боли.

– Рад, что можно в израильской полиции служат крутые русские парни, – сказал он, и Беркович усмехнулся: вот теперь и его самого причислили к крутым, правда по совер-

шенно иному поводу.

Разговаривать с Бернштейном было легко, но после получаса быстрых вопросов и ответов инспектору стало ясно, что он не продвинулся ни на шаг. Во-первых, Бернштейн был убежден в том, что никто из его российских конкурентов не стал бы нанимать в киллеры коренного израильянина. Во-вторых, он утверждал, что в России вообще нет таких идиотов, чтобы убивать конкурента за границей.

– Послушай, Боря, – говорил Бернштейн, через пять минут после начала разговора перейдя на ты и называя нового приятеля по имени, – послушай, нанимать израильянина – это куча денег, да еще огромный риск. В Москве убрать человека стоит гораздо дешевле, я не знаю конкретных цен, но говорю тебе, что это так, и можешь мне поверить. Понял, да? Если бы кому-то втемяшилось пустить меня в расход, это сделали бы на Рублевском шоссе, где я живу, а не в Тель-Авиве, где меня еще нужно было вычислить!

– Ваши рассуждения были бы верны, – вставил Беркович, – если бы покушения не было. Но кто-то же в вас стрелял среди бела дня.

– Загадка! Бред! Нет, послушай, это был арабский террорист – вот что я скажу. Просто я под руку подвернулся. Может, он думал, что я член Кнессета?

В палату вошел врач и сказал:

– Хватит на первый раз.

– Слушай, ты заходи почаще, – сказал раненый, – а то с

моими о чем поговоришь? О делах разве что... А Ляльку я вообще сказал чтобы не пускали – незачем ей расстраиваться, пусть загорает на пляже.

Беркович собрал бумаги, дал Бернштейну подписать протокол и вышел в коридор, длинный, как туннель под Ла-Маншем. Раненый телохранитель бизнесмена лежал в соседней палате, но к нему еще не пускали – положение парня было куда серьезнее, чем у шефа, он спал и до завтра врачи не допускали к нему посторонних. В закутке напротив палаты Бернштейна сидели в креслах трое мужчин – одного из них инспектор уже видел, это был телохранитель, счастливо избежавший пули, второй, видимо, был секретарем бизнесмена, а третий...

Беркович остановился в полном недоумении. Третьим в компании был... Исак Бернштейн собственной персоной. Живой и невредимый.

Придав лицу невозмутимое выражение, инспектор подошел и представился.

– Вы... – сказал он, обращаясь к копии Бернштейна.

– Марк Давидов, – встав, протянул руку двойник.

– Вы... – повторил Беркович, думая о том, как бы поточнее сформулировать естественный вопрос. Давидов, впрочем, все прекрасно понял.

– Похож, правда? – сказал он. – Нас всегда путали. Мы ведь с Исаком еще в институте познакомились. Как-то даже экзамен я за него сдавал. Впрочем, он за меня тоже. Бывало

всякое.

– Так-так, – сказал Беркович, усаживаясь в свободное кресло. – Вы прилетели вместе с Бернштейном?

Инспектор прекрасно знал, кто прибыл в Израиль вместе с бизнесменом, но ведь Давидов мог прилететь чуть раньше.

– Нет, – покачал головой двойник. – Я, можно сказать, ватик. Девять лет в стране. Изя мне позвонил после приезда, мы договорились встретиться, но не довелось пока.

– Где вы живете? – спросил Беркович. – Чем занимаетесь?

– Живу в Холоне, – ответил Давидов, – а занимаюсь... да разными вещами занимаюсь. Посредничеством, в основном.

Голос у Давидова звучал не очень уверенно – или это Берковичу только показалось?

– Исак Михайлович, – подал голос секретарь бизнесмена, – хотел сделать Марку Леонидовичу деловое предложение.

– Да? – поднял брови Беркович. – Что, совместный бизнес?

– В некотором смысле. Исак Михайлович хотел предложить Марку Леонидовичу поехать с ним в Россию и некоторое время поработать... м-м...

– Двойником, – подсказал Беркович, обо всем уже догадавшийся.

– Именно так, – кивнул секретарь. – Собственно, предложение и сейчас остается в силе.

– Вы знали об этом предложении? – повернулся Беркович

к Давидову.

– Догадывался, – коротко сказал тот.

– Но у вас же здесь свое дело. И семья, наверное.

– Я ведь еще не дал своего согласия, – осторожно сказал Давидов. – Да мы с Изей еще и не разговаривали.

– Понятно, – протянул Беркович и добавил: – Да, удивительное сходство, особенно если учесть, что вы даже не родственники. Скажите, – обратился он к телохранителю, – вам есть что добавить к уже записанным показаниям? Может, вы вспомнили что-нибудь за это время?

– Нет, – мрачно сказал тот. – Что я могу вспомнить? Я видел только, как «мазда» за угол сворачивала. Понимаю, что действовал в той ситуации бездарно... Но ведь у меня и оружия не было!

– Ну, это вы с хозяином разбирайтесь, – равнодушно сказал Беркович и поднялся.

– Полагаю, – сказал он, – что мы с вами еще встретимся. Со всеми, – добавил инспектор, внимательно посмотрев в глаза Давидову. Тот отвел взгляд.

Вернувшись в управление, Беркович поднялся к старшему инспектору Рисману, прекрасному знатоку уголовного мира большого Тель-Авива.

– Рони, – сказал Беркович, протягивая фотографию Бернштейна, где бизнесмен был изображен рядом со своей белокурой Лялей на фоне отеля «Дан-Панорама», – погляди-ка, может, тебе знакома эта личность?

– Конечно, – уверенно заявил Рисман, бросив на фотографию один-единственный взгляд. – Марк Давидов, неприятный тип. Я уверен, что он торгует женщинами с Украины, но никак не могу получить на него достаточно материала, чтобы задержать. А с кем это он? Я этой женщины не знаю. И одет странно – обычно Марк такие рубашки не носит.

– А это не Марк вовсе, – сказал Беркович и после паузы, насладившись недоуменным видом коллеги, рассказал о покушении на российского бизнесмена.

– Вот так-так, – удивился Рисман. – Так ты полагаешь, что покушались на самом деле на Давидова?

– Почему ты решил, что я полагаю именно так?

– Судя по твоему рассказу. Российский след маловероятен, израильский – подавно. Давидов и Бернштейн должны были встретиться. Убийца шел за Давидовым, принял за него Бернштейна...

– Идеальная схема, – кивнул Беркович, – если бы не одно обстоятельство. Встретиться они должны были в другое время. Я еще буду, конечно, проверять, где находился Давидов в девять тридцать утра. Уверен, впрочем, что его видели в то время десятки человек. Ты мне лучше другое скажи: какая у Давидова машина? Если ты, конечно, в курсе.

– Естественно, в курсе, – улыбнулся Рисман. – Белая «хонда».

– Вот как, – разочарованно сказал Беркович. – А я надеялся, что темно-синяя «мазда».

– Это машина его племянника, – сообщил Рисман. – Тоже темная личность, но в дядиных аферах, похоже, не замешан.

– Ты уверен? – воскликнул Беркович и, увидев, как насутился коллега, быстро сказал: – Не думай, я не сомневаюсь, просто очень рад.

– Чему? – спросил Рисман. – Если ты считаешь, что Арон пытался убить дядю, то это глупости.

– Потом объясню! – сказал Беркович, направляясь к двери.

С инспектором Хутиэли Беркович столкнулся в холле, когда под вечер покидал управление.

– Ну как там этот крутой? – поинтересовался Хутиэли, взяв Берковича под локоть. – Выяснил, кому он мешал?

– Да, – кивнул инспектор. – То есть, нет, никому он в России не мешал, вот в чем хитрость.

– Так это действительно была ошибка? – оживился Хутиэли. – Мне сказал Рисман, но я не очень поверил.

– И правильно не поверили, – сказал Беркович. – Видите ли, у Бернштейна есть в Израиле знакомый, некто Давидов, они похожи, как две капли воды. Бернштейн намеревался нанять Давидова в двойники – жизнь бизнесмена в России, как вы знаете, довольно беспокойная. Бернштейн думал, что своим предложением заинтересует приятеля. И действительно заинтересовал. Давидов – человек риска, он ведь женщинами торгует. Популярный сейчас бизнес. Знаете, что он задумал? Убить Бернштейна – или замочить, если по-русски. И

самому занять его место. Стрелял, кстати, племянник Дави-дова Арон, за дядю он готов в огонь и воду.

– И в тюрьму тоже? – поинтересовался Хутиэли.

– Не знаю, – сказал Беркович, – но спрошу на первом же допросе.

Третий

– Значит, вы никогда не любили сами, – сказал собеседник, когда Беркович выразил сомнение в том, что нормальный человек, будучи в здравом уме и твердой памяти, способен лишить себя жизни, если от него уходит любимая женщина.

Разговор происходил в скверике перед домом. Наташа прогуливалась вдоль аллеи с коляской, в которой спал Алик, а Беркович, сидя в тени на скамейке, обсуждал с соседом трагическую историю смерти манекенщицы Анат Элимелех и ее друга парикмахера Рони Афуты. В те дни газеты выходили с аршинными заголовками и фотографиями на всю полосу, и лучшей темы для обсуждения трудно было придумать.

– Вы никогда сами не любили! – повторил сосед тоном человека, знающего о любви все – естественно, по книгам. – Любовь – это чувство, которое сжигает человека без остатка.

– Ясно, – сказал Беркович. – Поскольку я еще не обратился в пепел, то, значит, и не любил.

– Нечего иронизировать, – рассердился сосед. – Не знаю, что в действительности произошло у Анат и Афуты, газеты, конечно, все врут, как всегда... Вы, наверное, знаете больше...

Он сделал многозначительную паузу, но Беркович на провокацию не поддался, и сосед продолжил после едва замет-

ного вздоха разочарования:

– На моих глазах как-то разыгралась история похлеще.

– Да? – спросил Беркович равнодушным голосом, поскольку знал: если проявить заинтересованность, сосед и не подумает начать рассказ.

– Представьте себе! – воскликнул он. – Случилось это лет двадцать пять назад, я только приехал в Израиль и жил в одном городке на севере. Вовсе не в богатом районе, кстати говоря...

* * *

Катрин приехала с родителями из Соединенных Штатов, а Фернандо – из Аргентины. Семья Мильгром переехала в Израиль, потому что отец Катрин решил: чем мыть машины богачам из Квинса, лучше делать это для своих, евреев. А может, в Израиле повезет, и он выбьется в люди.

Семья Фернандо Капита тоже была не из богатых, отец его всю жизнь горбатился на стройке, зарабатывая ровно столько, чтобы сводить концы с концами. Жили Катрин с Фернандо на соседних улицах и не могли не познакомиться, поскольку учились в одной школе. То, что между ними началась любовь, – дело, конечно, слепого случая.

В манеканщицы Катрин не взяли бы – она была девушкой полноватой, да и писаной красавицей ее никто бы не назвал. А Фернандо после школы пошел в армию, отслужил три года,

на субботы приезжал домой, и у Катрин не было времени, чтобы скучать по жениху – всю неделю она была занята в небольшом магазине игрушек. В армию ее не взяли, потому что врачи нашли у нее плоскостопие, да и зрение у Катрин было слабым, она носила сильные очки, которые снимала, когда гуляла с Фернандо.

Соседи знали – вот вернется Фернандо, и будет свадьба. Родители Катрин не были в восторге от предстоявшего брака, им хотелось для дочери, естественно, более выгодной партии, но и возражать они не собирались, все-таки воспитаны были в демократических традициях и признавали за каждым человеком право самому выбрать свою судьбу.

Вернулся Фернандо, несколько дней они с Катрин ходили по городку совершенно счастливые, и прохожие оборачивались им вслед. Через неделю Фернандо устроился работать охранником и получил оружие: новенькую «беретту». А еще несколько дней спустя безжизненные тела Фернандо Капиты и Катрин Мильгром были обнаружены поутру на краю апельсиновой плантации, метрах в двухстах от центральной дороги Тель-Авив – Хайфа. Катрин была убита выстрелом в грудь, а Фернандо пуля попала в живот, и он, судя по всему, некоторое время был еще жив, но передвигаться не мог и умер от потери крови.

Пистолет, принадлежавший Фернандо, лежал на земле между двумя телами, и, по идее, никто – ни юноша, ни девушка – не мог бы до него дотянуться. Экспертиза показала

– на рукоятке следы Катрин и Фернандо, причем в одном месте след пальца Катрин находится поверх следа пальца Фернандо, а в другом месте наоборот. И потому никто не мог сказать – кто держал пистолет последним, а ведь это было важно знать: то ли Фернандо убил подругу и покончил с собой, то ли это сделала Катрин. Оба они, однако, держали пистолет в руках. Почему?

Слухи, конечно, ходили всякие, и версии выдвигались самые разнообразные. Одна версия: Катрин давно разлюбила Фернандо, но пока он был в армии, не считала себя вправе сказать ему об этом. А когда юноша вернулся, между ними произошел откровенный разговор, Фернандо (южная кровь!) вспылил, под рукой оказалось оружие... Может быть, но почему на пистолете были следы пальцев Катрин?

Версия вторая: стреляла Катрин, потому что мужчина, тем более после армии, не станет убивать себя выстрелом в живот, понимая, насколько это мучительная и, к тому же, не гарантированная смерть. Если так, то, видимо, Фернандо нашел себе другую, и девушка, будучи вне себя, выхватила у него пистолет... В этом случае, кстати, объяснялось, почему на рукоятке два следа, перекрывающие друг друга. Катрин выхватила оружие у Фернандо, тот пробовал отобрать и получил пулю в живот. А потом Катрин покончила с собой, выстрелив в сердце.

Была и третья версия, объяснявшая, почему в одном месте на рукоятке след Катрин перекрывает след Фернандо, а

в другом – наоборот. Они поняли, что счастья в жизни им не видеть (вопрос, конечно, оставался – а, собственно, почему?), и решили покончить с собой, но никто не хотел стрелять в себя сам, и тогда первой выстрелила Катрин, попав другу в живот, а Фернандо, забрав из руки девушки оружие, выстрелил ей в сердце...

Ни одну из этих версий в полиции доказать не смогли, да и не особенно старались, поскольку обе семьи очень просили не проводить дополнительных экспертиз – и без того все было ужасно, какая, собственно, разница, кто стрелял первым, кто вторым.

На кладбище Катрин и Фернандо лежали рядом, и обе семьи приходили к могилам в положенные дни, вместе читали кадиш и вместе скорбели о погибших детях...

* * *

– Вот видите, – сказал Беркович, – то, что вы рассказали, лишь подтверждает мои слова. Кто-то из них было явно не в себе. У кого-то были скрытые психические отклонения, которые должны были со временем проявиться – и проявились. Иначе ничего бы не случилось, даже если бы молодые люди крепко повздорили. Да если бы все, кто по дурости устраивают скандал любимому человеку, хватались за оружие, жизнь на земле давно бы прекратилась!

– Да-да, – рассеянно сказал сосед, – вы правы... То есть,

не в том правы, что кто-то – Катрин или Фернандо – был психически болен, вовсе нет. А в том, что если бы каждый начинал стрелять по каждому поводу...

– Так одно следует из другого! – воскликнул Беркович. – Не будь у Катрин психического отклонения, она бы не стала стрелять из-за какой-то глупости!

– Почему вы думаете, что стреляла именно Катрин? – поднял брови сосед.

– По-моему, это ясно, – сказал Беркович. – Бывший солдат не стал бы стрелять себе в живот, это исключено. А девушка, не умеющая обращаться с оружием, вполне могла поступить именно так.

– Железная логика, – восхитился сосед. – А что вы скажете о перепутанных отпечатках?

– Это тоже очевидно, – Беркович пожал плечами. – Катрин выхватывает пистолет у Фернандо из кобуры, он пробует забрать оружие, получает пулю в живот... А потом Катрин, увидев то, что натворила, стреляет себе в сердце.

– М-м... – протянул сосед. – Извините, но так рассуждать может только тот, кто не знал Катрин. А я знал эту семью с того дня, как Мильгромы поселились в нашем городе. Более рассудительного существа я не встречал в своей жизни. Она все продумывала наперед. Она строила с Фернандо планы на всю оставшуюся жизнь и рассказывала о них мне, когда я спрашивал о будущей свадьбе.

– Вот именно, – сказал Беркович, – она расписала для себя

всю жизнь, и вдруг Фернандо заявляет...

– У Фернандо никого не было, кроме Катрин!

– Так я о том и говорю! Значит, у Катрин было скрытое психическое отклонение...

– Нет, – твердо заявил сосед. – В жизни не поверю. Кстати, скажите: если действительно стреляла Катрин, почему пистолет оказался на земле посередине между телами? Она что, специально положила его туда?

– Почему специально? Выстрелила и инстинктивно отбросила оружие.

– Да? Она умерла, по словам экспертов, мгновенно. И потому, по идее, должна была сжимать оружие в руке, ведь пальцы в момент смерти конвульсивно сжимаются...

– Достаточно и секунды, – покачал головой Беркович, – и вообще, все это детали. Рассудочность женщинам совершенно не свойственна. Уже одно это наводит на мысль...

Он оборвал себя, потому что заметил странный взгляд, брошенный на него соседом.

– Послушайте, – сказал Беркович. – Насколько я понимаю, у вас на этот счет была собственная версия, отличавшаяся от всех. Я прав?

– Вы правы, – сказал сосед неохотно. – У меня всегда была собственная версия, но... Меня не спрашивали, а сам я не хотел...

– Ну-ну, – сказал Беркович с излишней заинтересованностью, – расскажите, мне, как полицейскому, это любопытно.

– Хорошо, – сказал сосед после долгой паузы. – В те дни никому и в голову не пришло, что в этой истории мог быть кто-то третий.

– Третий? – воскликнул Беркович. – А что? Были следы третьего? Я ведь не помню той истории, меня тогда еще и в стране не было.

– Нет, конечно, не было больше ничьих следов! Дождь не шел полгода, земля была совершенно сухая, никаких следов просто не могло остаться. Но представьте, что некто проследил за Катрин и Фернандо, подошел к ним, выхватил у парня пистолет...

– Чепуха! – бросил Беркович. – Чтобы солдат позволил незнакомцу подойти и...

– Почему незнакомцу? Как раз наоборот, очень знакомому человеку. Да, позволил, потому что он и Катрин его хорошо знали. Тот, третий, выхватил оружие и, пока Фернандо приходил в себя от изумления, выстрелил. А потом убил и Катрин, которая от ужаса не могла пошевелиться.

– Но следы на рукоятке...

– Он протер рукоятку, стерев свои отпечатки, а потом приложил пальцы мертвых уже Фернандо и Катрин – вот почему, кстати, отпечатки оказались перекрыты в разных местах по-разному... Бросил пистолет между телами и ушел.

– Но... почему? Где мотив? Ваша версия все объясняет, кроме мотива!

– Мотив? Любовь, что же еще! Некто третий, полюбив-

ший Катрин, признавшийся ей в этом и получивший отказ. Некто третий, который не мог допустить, чтобы Катрин и Фернандо поженились. Некто третий, который считал: пусть лучше оба умрут, потому что, если он убьет одного Фернандо, Катрин будет знать, кто это сделал!

– Почему же об этом не подумали в полиции? – спросил Беркович. – Кто-то ведь должен был видеть, как этот третий приходил к Катрин, говорил с ней, кто-то должен был догадываться о том, что он любит и любит безответно...

– Никому и в голову прийти не могло, что этот человек способен на убийство, – покачал головой сосед. – Такой тихий, такой робкий... Да, он поглядывал в сторону Катрин, но в ее сторону поглядывали многие, это еще не основание для подозрений. Нет, о третьем даже не подумали... Ну, я пойду, время уже позднее.

Сосед заторопился домой, да и Берковичу было пора, Наташа уже делала ему знаки, стоя поодаль с коляской.

И ночью уже, отложив книжку, которую он читал, Беркович подумал: а что если... Сосед так уверенно говорил об этом гипотетическом третьем... И взгляд, который он бросил... Сосед был человеком скрытным и, если разобраться, даже робким в каком-то житейском смысле. И возраст – в те годы ему было лет двадцать с небольшим. Срок давности уже истек, и сосед мог позволить себе лишнюю откровенность. Так неужели?...

Беркович знал, что никогда не спросит об этом. Но знал

также, что никогда больше не сможет сидеть с соседом вечерами на скамейке и обсуждать результаты футбольных матчей. Даже если он неправ.

Беркович не в силах был смотреть в глаза убийце.

Живой труп

Вечерние улицы были полны людей. Народ сидел в кафе, прогуливался по набережной, некоторые купались: вода была теплой, как парное молоко. Отовсюду слышалась музыка, громкие разговоры, переходящие в крик и выяснение отношений.

По пешеходной улице Рамбам, опустив голову и думая о чем-то своем, шел мужчина лет сорока в темной майке и шортах. Обычная для Тель-Авива одежда в такую жару. Никто не обращал на мужчину внимания. Он дошел до поворота, остановился на мгновение, а потом упал головой вперед, раскинув руки.

– Что с вами? – вскочил на ноги один из посетителей кафе, чей столик находился в двух метрах от упавшего. – Вам плохо?

Вопрос был, конечно, риторический. Если человеку хорошо, с чего бы ему падать на улице и лежать так, будто он умер?

Кстати, он на самом деле умер – это стало ясно, как только мужчину перевернули на спину и взглянули в его остановившиеся глаза.

– Сердце? – предположил кто-то.

– «Скорую» вызовите! – послышался голос.

– И полицию. Смотрите – кровь!

Действительно, на асфальте под телом расплывалась черная лужица. Однако ни на лице, ни на руках мертвеца не было никаких видимых повреждений, майка на груди также была чистой, но, когда мужчину опять перевернули, то причина смерти стала вполне очевидной – на спине слева чернело пятно, и в майке была маленькая дырочка. Видимо, дырочка была и в теле несчастного, что и стоило ему жизни.

Во всяком случае, именно так определил причину смерти эксперт Рон Хан, прибывший на место происшествия вместе с оперативной группой сержанта Хелемски. Инспектор Беркович подъехал чуть позже, когда тело убитого уже увезли в морг.

– Фред Бергер его звали, – сказал сержант Хелемски, передавая Берковичу документы, обнаруженные в поясной сумке. – Сорок два года. Живет, если, конечно, данные правильны, в Шхунат Элиягу, я, кстати, хорошо знаю этот квартал.

– Вот и отправляйтесь туда, – приказал Беркович. – Сообщите родным, соберите сведения – кто такой, чем занимался, были ли враги, в общем, как обычно...

Хелемски уехал на патрульной машине, а эксперт сообщил Берковичу свои соображения о причине смерти.

– Убийство, – сказал он. – Стреляли из пистолета, но не в упор. Да в упор и не могли бы – народу здесь сам видишь сколько.

– А не в упор могли? – мрачно проговорил Беркович. –

Самое людное место в Тель-Авиве!

– Да, – кивнул Хан. – В таком грохоте выстрел можно и не слышать.

Действительно, отовсюду неслись оглушающие звуки хэви металл, классического джаза и восточных напевов. Какофония возникала страшная, и Беркович вынужден был согласиться с Ханом: в таком грохоте вряд ли кто-то мог отличить сухой щелчок выстрела от удара в барабан.

Для опроса свидетелей хозяин кафе выделил инспектору дальнюю от улицы комнату своего заведения. Здесь было довольно тихо, работал кондиционер, а потому и дышать можно было без опасения спалить легкие.

Первым давал показания мужчина по имени Гай Авидан, бросившийся бедняге Бергеру на помощь.

– Он шел со стороны Алленби, – рассказывал Гай, – я его увидел, когда он остановился на углу метрах в пяти от нас. Мы с Офрой сидели за крайним столиком на улице. Должно быть, тогда в него и выстрелили. Он как-то странно дернулся и вдруг упал. Ну, я, конечно, подбежал...

– Вот план улиц, – сказал Беркович, придвигая к свидетелю лист бумаги. – Если Бергер стоял здесь и лицом сюда, в вашу сторону... Вот так, верно?

– Да, – кивнул Авидан.

– Тогда стрелять в него должны были примерно из этой точки, правильно? Если провести прямую линию...

– Наверно, – с сомнением сказал свидетель.

– Вы видели там кого-нибудь?

– Не обратил внимания, – пробормотал Авидан. – Мне ведь и в голову не приходило... Хотя, если бы там стоял человек с пистолетом, я наверняка обратил бы внимание. По моему, проходили женщина и мужчина, но я даже не могу сказать – молодые или старые. Но без оружия – я ж говорю, на пистолет я бы точно...

– Хорошо, – вздохнул Беркович. – Выстрела вы не слышали?

– Нет, – покачал головой Авидан. – Я и Офру не слышал, а она сидела в двух шагах, и голос у нее громкий. В «Каскаде» как врубили металлику...

Офра, сидевшая за столиком напротив Гая, подтвердила показания приятеля. Еще три свидетеля видели, как Бергер шел по улице Рамбам со стороны Алленби, видели, как он остановился на углу, будто в раздумьи. И видели, как он упал.

– Попробуйте вспомнить, – просил каждого Беркович, – шел ли кто-нибудь следом за Бергером.

– Никто, – твердо сказал Ави Лейзерман, стоявший с подругой в момент убийства у прилавка продавца кукол.

– Может, и шел кто-то, там было много народа, – пожала плечами подруга Ави.

– Точно шел, – заявил третий свидетель. – Даже не шел, а шли. Парень с девушкой. Когда этот бедняга остановился на углу, они прошли дальше как ни в чем не бывало.

– В какую сторону?

– Прямо, – не очень уверенно сообщил свидетель. – А может... Нет, не помню.

– Вы можете описать эту парочку? – спросил Беркович.

– Парень в белой рубашке, высокий, черные волосы до плеч, девушка, наоборот, совсем коротышка, светлая, короткая стрижка.

Закончил опрос, Беркович отправился в управление, где его уже ждал вернувшийся из Шхунат Элиягу сержант Хелемски.

– Оказывается, Бергер был подозрительной личностью, – сказал он. – Я его уже и в нашем банке данных обнаружил. Возможно, торговал наркотиками. Жена упала в обморок, когда я ей сообщил... В общем, от нее пока никакого толка. А соседи утверждают, что от Бергера им было одно беспокойство. Ходили какие-то подозрительные личности. Наркоманы в том числе. Скорее всего, кто-то из этой компании его и шлепнул. Может – конкуренты. В этой среде – довольно обычное дело.

Беркович выслушал многословный доклад сержанта и подумал, что нужно быть действительно в состоянии наркотического транса, чтобы стрелять в толпе на улице Рамбам. И нужно быть трезвым, как стеклышко, чтобы умудриться выстрелить совершенно незаметно.

Отпустив сержанта, Беркович позвонил в лабораторию к своему другу эксперту Хану, но тот еще не вернулся в ка-

бинет и перезвонил сам четверть часа спустя, когда инспектор заканчивал изучать сведения о Бергере из компьютерного банка данных.

– Стреляли из «беретты», – сообщил эксперт. – Пуля вошла в тело чуть выше сердца. Вообще-то при иных обстоятельствах его можно было спасти, потому что легкое не задето.

– Что значит «при иных обстоятельствах»? – насторожился Беркович.

– Понимаешь, впечатление такое, будто в последние минуты жизни сердце у него работало с огромным напряжением. Можно назвать это прединфарктым состоянием. Если бы пуля не поставила точку, у него наверняка произошел бы сильнейший сердечный приступ.

– Сердечный приступ... – протянул Беркович и неожиданно воскликнул: – Черт! Как мне это раньше не пришло в голову?

– Что именно? – спросил Хан. – Борис, ты о чем?

– Потом, – быстро сказал инспектор. – Извини, Рон, я тебе перезвоню через полчаса.

Пока патрульная машина, взывая сиреной, мчалась к улице Алленби, Беркович возбужденно говорил сидевшему на заднем сидении сержанту Хелемски:

– Надо было сразу опросить и тех, кто сидел в кафе на углу Алленби и Рамбам. Ведь Бергер шел с той стороны. А мы ограничились только теми свидетелями, которые видели,

как он упал.

– Вы хотите узнать, видел ли кто-нибудь, кто шел за Бергером? – спросил Хелемски.

– Да никто за ним не шел, – с досадой сказал Беркович. – Стреляли, скорее всего, из машины.

– Но на Рамбам не бывает машин, – удивленно проговорил сержант. – Это же пешеходная зона.

– Да при чем здесь улица Рамбам? – отмахнулся Беркович. – Когда Бергер шел по Рамбам, он был уже убит.

Хелемски высоко поднял брови, но ничего не сказал – машина остановилась на углу Алленби и Рамбам. Народа здесь, похоже, стало даже больше, чем было час назад. Оглядевшись по сторонам, Беркович направился к киоску, хозяин которого торговал мороженым и прохладительными напитками. Это был мужчина огромных габаритов, едва помещавшийся в маленьком пространстве своего заведения.

– Вы слышали, конечно, об убийстве? – спросил Беркович, на что продавец охотно ответил:

– А как же! Я все думал, почему полиция всех опрашивает, а до нашего угла не добралась.

– Вы видели человека, которого убили? Он ведь завернул на Рамбам с Алленби...

– Может, и видел, – пожал плечами продавец. – Я ведь не знаю, как он выглядел. Да и как я мог его запомнить? С Алленби на Рамбам каждую минуту поворачивают десятки человек...

– Он был в темной майке и полосатых шортах. А запомнить вы его могли, потому что вряд ли он вел себя, как все. И выстрел вы могли слышать.

– Выстрел? – переспросил торговец. – Так это был все-таки выстрел?

– Ну-ка, – потребовал Беркович, – расскажите!

– На мужчину в темной майке я действительно обратил внимание, – раздумчиво произнес торговец. – То есть обратил, когда он споткнулся и чуть не упал. Мимо как раз машина проезжала, и мне показалось, что кто-то выстрелил. А тут этот как раз споткнулся, ну я и подумал: неужели подстрелили? Но человек постоял несколько секунд и дальше пошел – как раз на Рамбам, кстати. А машина уже уехала. Я и подумал, что не выстрел это был, а шина у кого-то лопнула или отработанные газы взорвались, ну, вы знаете, как это бывает. Очень похоже по звуку на пистолетный выстрел.

– Машину описать можете? – спросил Беркович, не надеясь на наблюдательность торговца.

– Конечно, – уверенно сказал тот. – Белый «форт-транзит», правое заднее крыло чуть примято. Номер... Первые две цифры не видел, а остальные: восемь, один, шесть, три и опять один.

– Замечательная память, – поразился Беркович.

– Нет, – хмыкнул торговец, – просто на прошлой неделе я в Лото пролетел именно из-за такой комбинации цифр: восемь, шестнадцать и тридцать один.

– Позвоните дежурному, – приказал Беркович сержанту Хелемски, – пусть найдут эту машину.

Отойдя в сторону, он связался с экспертом Ханом.

– Рон, – сказал инспектор, – может ли человек, получив пулю в грудную клетку, спокойно пройти метров сто и лишь потом почувствовать неладное?

– Ты имеешь в виду Бергера... – протянул эксперт и, помолчав, продолжил: – Ты знаешь, я сейчас вспоминаю характер ранения... Действительно, мог, если был очень возбужден или...

– Или под действием наркотиков?

– Вот именно. А к чему ты клонишь, Борис?

– В Бергера стреляли из машины на улице Алленби. Так что по Рамбам, считай, шел уже труп. Или он все-таки мог выжить? Ты же говорил, что мог?

– Если все было, как ты говоришь, то, пожалуй, я возьму свои слова обратно, – сказал Хан. – Если бы он не двигался, то да... А если находился в движении и кровь стекала...

– Скорее всего, это его друзья-коллеги подстрелили, – сказал Беркович. – Яснее станет, когда найдем машину. И вскрытие покажет, принимал ли Бергер наркотики.

Белый «форд-транзит» с нужным номером, как оказалось, принадлежал некоему Арону Габриэли, достаточно известному полиции – он уже и в тюрьме успел побывать за сбыт «экстази».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.